

ны начальства Лобачевский 5 октября 1810 г. был удостоен звания кандидата²², но через несколько месяцев после этого над Лобачевским повисла угроза исключения из университета и сдачи в солдаты, и только его дарования и заступничество учителей, высоко ценивших его, спасли его от этой опасности.

18 мая 1811 г. в собрании студентов было прочитано вновь воспоследовавшее высочайшее повеление, чтобы "казенных воспитанников и студентов университетских и других высших училищ из духовного звания и разночинцев развратного поведения и уличенных в важных преступлениях, по исключении вовсе из упомянутых заведений, отсылать в военную службу; из дворян таковых же представлять Его Величеству с тем чтобы о каждом воспитаннике, подвергнувшем себя таковому наказанию, представляемо было предварительно г. министру народного просвещения".

Страшные слова этого повеления "развратное поведение", "важные преступления" представлялись, само собою разумеется, весьма растяжимыми, но тем более опасными могли они явиться для Лобачевского, относительно которого всего несколькими днями позже подан был инспекторским помощником Кондыревым рапорт, заключающий в себе "историческое изображение поведения Лобачевского-1^{12*}", из журнальной тетради и отчасти шнуровой книги извлеченное, показывающее качество поведения сего студента". В рапорте отмечалось, "что в генваре месяце Лобачевский оказался самого худого поведения. Несмотря на приказание начальства не отлучаться из университета, он в Новый год, а потом еще раз ходил в маскарад и многократно в гости, за что опять наказан написанием имени на черной доске и выставлением оной в студенческих комнатах на неделю. Несмотря на сие, он после того снова еще был в маскараде".

Но не одна шаловливость и желание развлекаться ставились в вину молодому человеку. По словам рапорта "Лобачевский-1 в течение трех последних лет был, по большей части, весьма дурного поведения, оказывался иногда в проступках достопримечательных, многократно подавал худые примеры для своих сотоварищей, за проступки свои неоднократно был наказываем, но не всегда исправлялся; в характере оказался упрямым, нераскаянным, часто ослушным, много мечтательным о самом себе, в мнении получавшем многие ложные понятия". Отметив, что Лобачевский был 33 раза "только по особым замечаниям записан в журнальную тетрадь и шнуровую книгу", Кондырев высказывает мнение, что "если исправление сего студента должно воспоследовать для соделания его общепользным, ибо нельзя отрицать, чтобы он не мог быть таковым по его особенностям и успехам в науках математических, то сие должно воспоследовать ныне же и притом самыми побудительными средствами со стороны милосердия или строгости, каковые найдет благоразумие начальства".

^{12*} То есть Николай Лобачевский.

Еще более неблагоприятный отзыв о Лобачевском и его поведении был представлен тем же Кондыревым через месяц, когда инспектор Яковин предложил ему подать рапорт о поведении студентов в течение всего прошедшего академического года. Отмечая, что вообще студенты вели себя лучше и благоразумнее прежнего, рапорт, однако, прибавлял, что Николай Лобачевский занимает первое место по своему худому поведению. Ему вменялось в вину его "мечтательное о себе самомнение, упорство, неоправданное, грубости, нарушения порядка и отчасти возмутительные поступки". Наконец, на Лобачевского возводилось и еще более тяжкое обвинение, которое могло легко повести к самым тяжелым последствиям. Отмечалось, что "Лобачевский в значительной степени явил признаки безбожия" и мнение его "получило многие ложные понятия".

Рапорт о поведении Лобачевского, вместе с общим отчетом инспектора о поведении студентов, был внесен на обсуждение университетского Совета в заседании 5 июля, но никакого постановления по тому поводу не состоялось. Ближайшее заседание Совета могло быть роковым для Лобачевского, но благодаря его немецким учителям дело приняло неожиданно иной, счастливый для Лобачевского, оборот. В этом заседании (10 июля) было заслушано представление Яковкина и некоторых других членов о повышении в степень магистра Юнакова, Булыгина, Самсонова и Алексея Лобачевского. О Николае Лобачевском не упоминалось, но в дополнение к этому представлению в том же самом заседании профессора Бартельс, Герман, Литтров и Броннер заявили, "что чрезвычайные успехи и таковые же дарования Николая Лобачевского в науках математических и физических могут рекомендовать его к повышению в степень магистра".

Авторитет представлявших профессоров, всем в университете известные блестящие способности Лобачевского заставили и нерасположенных к нему членов Совета пойти на компромисс. Совет согласился и с дополнительным представлением о Николае Лобачевском, но обставил свое согласие формальностью, описанную следующим образом в инспекторском журнале: "В сие же собрание призываем был студент Николай Лобачевский; получив выговор, увещеваясь в исправлении и признаваясь в весьма многих своих поступках, дал обещание и честное слово с подпискою в сей книге исправиться и не доводить до начальства впредь жалоб на его дурное поведение, в надежде чего и представлен в магистры".

3 августа состоялось и утверждение Лобачевского вместе с другими товарищами в степени магистра, но вместе с тем Румовский прислал в Совет и предписание: "А студенту Николаю Лобачевскому, занимающему первое место по худому поведению, объявить мое сожаление о том, что он отличные свои способности помрачает несоответственным поведением для того, чтобы он постарался переменить и исправить оное; в противном случае, если он советом моим не захочет воспользоваться, а опять принесена будет жалоба на него, тогда я принужден буду довести о том до сведения господина министра народного просвещения"²³.

Так окончилось благополучно для Лобачевского дело о повышении